

«БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ)

.....

А. В. Атанесян¹

«Безопасность человека», или «человеческая безопасность» в качестве привнесенного в отечественную научную литературу термина (Human Security), является одним из уровней концептуализации проблем безопасности в современном мире. Сегодня существует множество объектов, вокруг которых разворачиваются концептуальные и технические процессы обеспечения безопасности, как то: безопасность технических систем, безопасность производства, безопасность информации, безопасность государства, безопасность продуктов питания и т.д. Тем не менее все данные и другие уровни обеспечения безопасности и ее изучения в конечном счете сводятся к безопасности человека — к безопасности его жизнедеятельности, его связей и взаимоотношений с другими людьми, его взаимодействия с обществом и природой. Более того, все эти направления обеспечения безопасности того или иного объекта или процесса осуществляются человеком непосредственно или опосредованно созданными человеком средствами (информационными, техническими и военнотехническими, финансово-экономическими, биологическими и пр.). Таким образом, изучение и обеспечение безопасности в любой сфере в конечном счете сводятся к обеспечению безопасности человека, что делает данный термин максимально емким. Кроме того, одним из важнейших факторов интенсификации исследований в области безопасности человека не только в междисциплинарном, но и в сугубо политологическом (секьюритологическом) контексте является повышение уровня жизни в глобальном масштабе. Соответственно, тенденция смещения восприятий угроз с традиционно военно-политической сферы в область экономической, социальной и социетальной, экологической, а также информационной безопасности способствует постановке проблем обеспечения безопасности человека и человеческого развития на новом уровне.

Ключевые слова: безопасность человека, человеческое развитие, секьюритология, секьюритизация, институты политической власти, миграция.

Безопасность человека: уровни восприятия и концептуализации

На сегодняшний момент можно выделить два уровня информации, непосредственно соприкасающейся с восприятием и определением безопасности человека — обыденный и научно-политический.

¹ Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии факультета социологии Ереванского государственного университета, Ереван, Армения. Эл. почта: atanesyan@yandex.ru

На *обыденном уровне безопасность человека* воспринимается в основном в двух значениях — в качестве проблемной ситуации, а также результата. В качестве результата безопасность человека — защищенность от внешних и внутренних угроз, и рисков, идеальной ситуацией чего является «счастье»: человеку ничего не грозит, он здоров, сыт, обеспечен, уверен в завтрашнем дне и настроен позитивно к окружающему его миру, с которым находится в максимальной, если не полной, гармонии. С этой точки зрения безопасность человека в качестве проблемной ситуации воспринимается в связке с огромным количеством таких явлений, как голод, нужда, болезни, войны, нездоровая экология, экологически не чистая продукция питания, одежды и быта, недружелюбно (враждебно) настроенное социальное окружение, финансовые проблемы, отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Любой человек может назвать много проблем, препятствующих его безопасности, что и воспринимается на обыденном уровне в качестве состояния безопасности человека в определенном пространстве и времени.

Так, с точки зрения пространственно-временных критериев безопасность человека может иметь более высокий уровень в экономически обеспеченных обществах с высоким уровнем социальной политики и качеством жизни. Соответственно низкий уровень экономического развития, образования, здравоохранения, бытовых условий, природные катаклизмы и войны снижают уровень безопасности человека вплоть до страданий и смерти в качестве нормальных для подобных условий ситуаций.

Обыденное восприятие «безопасности человека» в зависимости от пространственно-временных категорий исторически обуславливало миграционные процессы; в частности, переезд из бедных районов в богатые, из сельских — в городские промышленные районы или, наоборот, из экологически нездоровых районов центра города в озелененные спальные районы. Таким образом, обыденное восприятие безопасности человека в преломлении исторических этапов развития человечества претерпело лишь незначительные изменения и по-прежнему остается относительно стабильным. Безусловно, в процессе исторического развития общества менялись акценты, расставляемые человеком в процессе выбора им тех или иных предпочтений и первостепенных задач в обеспечении своей безопасности. Так, в условиях войн, когда угроза быть убитым является основной в системе других источников угроз и рисков, необходимость обеспечения иных качеств «безопасности человека», таких, например, как здоровая окружающая среда, экологически чистые продукты питания, этика общения с окружающими людьми, эстетическое мирозерцание и т.д., отходят на второй план, максимально замещаясь необходимостью ориентирования в системе дихотомии «жизнь — смерть». Война возвращает человека в его первоначальное, биологическое состояние, в котором безопасность человека должна быть обеспечена в основном навыками выживания в естественном состоянии.

В отличие от экзистенциального восприятия безопасности человека в условиях войны, массовых эпидемий и экологических катастроф, обыденная жизнь человека в современных условиях потребительской массовой культуры делает его восприимчивым к менее значимым в кризисные периоды факторам, которые начинают восприниматься в качестве таких угроз безопасности человека, как экологически нездоровая пища, вредная окружающая среда, нездоровая эмоциональная обстановка в коллективе, недостаточно экзотический вид из окна, не самая комфортная мебель в квартире, устаревшая модель компьютера в кабинете или вышедший из моды мобильный телефон... Если в кризисные исторические моменты стресс вызывался боязнью быть убитым на выходе из дома, или умереть от голода, то в условиях потребительства человек оказывается в ситуации замешательства и паники, забыв дома свой мобильный телефон, или потеряв флэшку с записанными на ней фотографиями с пляжного сезона...

В зависимости от изменений системы ценностей и бытовой моды меняется кругозор восприятия человеком безопасности на индивидуальном и коллективном уровнях. Так, с точки зрения индивидуалистской мировоззренческой прерогативы безопасность личности далеко не всегда ставится в зависимость от коллективной безопасности (например, нежелание иметь и воспитывать детей в подобной системе ценностей не увязывается человеком с экономическими, демографическими и политическими проблемами, которые впоследствии могут возникнуть в его обществе из-за низкого уровня рождаемости и высокого уровня старения населения). Обратная картина может наблюдаться в условиях коллективистской мировоззренческой парадигмы, когда любое отклонение в поведении человека от системы коллективистских норм и ценностей воспринимается прежде всего как угроза безопасности общества, а уж потом (если она вообще имеет место) — как безопасность личности, в частности, в значении возможностей для индивидуального самовыражения.

К основным факторам формирования предпочтений и манипулирования страхами относятся СМИ [см., например: Atanesyan, 2014, pp. 527-542]. Например, пропаганда в СМИ нездорового образа жизни, беспорядочных половых связей, размытость социальной идентичности личности как вариант «самовыражения» и т.д. приводит к тому, что человек поступательно подвергает опасности свое физическое и психическое здоровье. В конечном итоге жизнь может восприниматься человеком как необходимое условие его безопасности в данном обществе, в данных пространственно-временных условиях, однако быть прямой угрозой его безопасности в первоначальном, экзистенциальном смысле.

В любом случае обыденное восприятие безопасности человека в современном мире приобрело определенную институционализированность и зачастую является далеко не собственным выбором индивида, а результатом воздействия на него разнообразных информационных потоков, вследствие которых происходит постоянный дискурс по поводу предпочтительности или ущерб-

ности того или иного состояния человеческой безопасности, а также наличия и уровня опасности тех или иных факторов в качестве угроз и вызовов человеческой безопасности. Так, по результатам исследований, направленных на выяснение изменений в восприятии людьми угроз их безопасности, связанных с уровнем преступности в обществе, было выявлено непосредственное влияние телевидения на завышенные оценки людьми угроз их безопасности [см., например: Sotirovic, 2003, pp. 122-137].

Прежде чем перейти от вопросов обыденного восприятия безопасности человека к рассмотрению научно-политических концепций и стратегий, следует отметить, что традиционная недооценка обыденного восприятия людьми той или иной проблемы по сравнению с научной ее трактовкой в данном случае неоправданна. Любой дискурс о безопасности, по словам Б. Бузана, носит интерсубъективный характер, т.е. конструируется субъектом или группой субъектов и представляется на обсуждение обществу, или аудитории: если аудитория не разделяет опасения говорящих о безопасности и угрозах субъектов, те не смогут реализовать свои стратегии по обеспечению защиты, а также своих личных интересов [Buzan, Wæver, de Wilde, 1998, p. 31]. Это особенно относится к понятию «безопасность человека», которая в своей формулировке в качестве термина содержит элемент человеческого, подчеркивая аксиологический характер, ценностную нагрузку безопасности человека, т.е. субъективность дискурса о безопасности человека в любом — обыденном или же научном формате. Поэтому научный, или научно-политический, дискурс о безопасности человека непосредственно связан с индивидуальными опасениями людей относительно угроз безопасности на уровне личности, малых групп, локальных сообществ и общества в целом. В противном случае дискурс касательно вопросов безопасности и соответственно реализация основанной на вопросах безопасности политики не могут быть эффективными.

На научно-политическом уровне анализа безопасность человека определяется в соответствии со стратегиями развития современного государства и общества и соответствующей ролью человека в этом развитии.

Следует отметить изначальную интегрированность научного и политического дискурсов относительно содержания понятия «безопасность человека», так как обеспечение безопасности человека в широком и универсальном смысле предполагает политическую волю, мобилизацию ресурсов и задействование политико-правовой и институциональной системы внутри- и межгосударственных отношений. Вместе с тем сугубо научное осмысление безопасности человека в политологии, секьюритологии (Security Studies), социологии и смежных дисциплинах не только базируется на анализе конкретных политических процессов и решений, но и становится основой для дальнейших политических проектов и действий.

Государственное регулирование социального бытия во многом обусловило такое состояние безопасности человека, которое в том или ином государстве воспринимается как норма. После того как люди добровольно и из страха перед постоянными угрозами безопасности человека, исходящими друг от друга и направленными друг на друга в качестве «войны всех против всех», передали часть своих свобод государству с тем, чтобы оно с помощью присущего лишь ему легитимного права на насилие, ограничивало человека в его максималистских устремлениях (Томас Гоббс), началась эпоха государственного насилия, где именно государство получило преимущества в формулировании угроз безопасности своих граждан, государства и общества (секьюритизация, манипулирующая страхами и опасениями людей), а также в мобилизации и использовании средств, необходимых для реализации политических проектов под эгидой обеспечения безопасности граждан.

Ограничивая свободы личности, наделяя человека правами и обязанностями, верша правосудие, государство само нередко воспринимается (и становится) одной из угроз безопасности человека, если не основной, лишая рожденного свободным человека желаемых им прав и свобод. Другой причиной, по которой государство может стать угрозой безопасности своих (и чужих) граждан, является несоблюдение им принципа справедливости во внутренней и внешней политике; декларируя равенство людей в их правах, государства то и дело нарушают данный принцип, создавая диспропорциональность в распределении ограниченных ресурсов в пользу узких групп и в ущерб широким слоям населения, вызывая общественное недовольство и массовый бунт. Причем в качестве угрозы в массовом восприятии всплывает не конкретная группа лиц, злоупотребляющая от имени государства всеобщими благами, а государство как институт, обязанный обеспечивать безопасность каждого гражданина в равной степени.

Кризис государства и чувство незащищенности граждан стимулировали научно-политический дискурс о безопасности человека не только от имени государства, но и от имени гражданского общества и транснациональных структур, негосударственных организаций и групп. В частности, активную роль в формулировании безопасности человека и стратегий по ее обеспечению сыграла ООН. Как пишет Дж. Заджадло, «в 1991 году Хавьер Перес де Куэльяр² высказался о том, что «право невмешательства во внутреннюю юрисдикцию государства не может служить защитным барьером, за которым права человека могут быть массово и безнаказанно нарушаться». Его последователь, Бутрос Гали, отметив, что суверенность государства и его целостность по-прежнему являются одной из основ международных отношений, добавил: «время абсолютной и эксклюзивной суверенности государства прошло»» [Zajadlo, 2005, p. 656].

² Генеральный секретарь ООН (Перу), 1982–1991 гг.

Линию ООН в продвижении и защите прав человека в качестве первоочередной задачи по обеспечению безопасности человека и наполнению данного понятия современным содержанием, существенно продолжил и дополнил следующий после Бутроса Гали Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, который выразил суть развития стратегии по защите прав человека во всем мире на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 1999 г. следующим образом: «Понятие государственного суверенитета в своем основном значении переосмысливается в результате воздействия глобализации и международного сотрудничества. Сегодня широко распространено понимание государства как слугителя своего народа, а не наоборот. Вместе с тем суверенность личности — а под этим я имею в виду права человека и фундаментальные свободы каждого индивидуума так, как это выражено в нашей Хартии (ООН) — суверенность личности еще более усиливается благодаря обновленному осознанию права каждого человека самостоятельно решать свою судьбу. <...> Такой подход серьезно облегчает решение дилеммы относительно того, что следует считать гуманитарной интервенцией: с одной стороны, вопрос легитимности действий, предпринятых той или иной региональной организацией без мандата ООН; с другой стороны, всеобщее признанный императив о необходимости эффективного пресечения массовых и систематических нарушений прав человека с ужасающими гуманитарными последствиями» [Annan, 1999, p. 5].

Можно заметить, что современный подход к определению и соответственно защите прав человека в качестве обеспечения его безопасности, озвученный Кофи Аннаном с позиции прав человека как абсолютной, универсальной ценности, соответствует концепции универсализма в международных отношениях: «...представители универсализма считают, что международные права человека, такие как право равной защищенности каждого со стороны государства, физическая безопасность, справедливое судопроизводство, свобода слова, свобода вероисповедания и ассоциаций, являются и должны быть одинаково защищенными везде» [International Human Rights..., 2008, p. 517].

Обоснование и развитие концепции безопасности человека и ее непосредственная связь с необходимостью защиты прав человека в универсальном и наиболее емком значении хронологически приходится именно на 1990-е гг., когда после развала СССР и обретения Соединенными Штатами Америки статуса победившей в холодной войне сверхдержавы, чья стратегия информационного противостояния с незападным миром была основана на преобладании и распространении по всему миру демократических ценностей и прав человека, причем, не только политико-идеологическими, но и военно-силовыми путями (по принципу синхронизации использования «мягкой» и «жесткой» силы [Nye, 2002]), США и западные союзники получили новые зоны влияния и продвижения стратегии обеспечения безопасности человека в западном мире. В частности, современные гуманитарные интервенции как ответ между-

народного сообщества на массовые и целенаправленные нарушения государствами прав своих граждан являются одним из наиболее актуальных проявлений использования «жесткой» силы по обеспечению безопасности человека [см., например: Nikoghosyan, 2011].

Как следствие, государство является сегодня не только основным институтом, призванным обеспечивать защиту прав и свобод своих граждан, но и главной угрозой безопасности человека, если не в отношении своих граждан, то в отношении граждан другой страны. Нормативно-правовой и ценностный конфликт между предпочтительностью обеспечения национальной безопасности за счет массовых нарушений прав человека и наоборот является на сегодняшний день одной из основных проблем международных отношений.

Между тем одним из важнейших шагов по укреплению концепции безопасности человека и ее политическому продвижению считается Отчет о развитии человечества за 1994 г., упоминаемый в большинстве научных дискуссий о безопасности человека [United Nations, Human Development Report, 1994]. Отчет включает 7 основных элементов безопасности человека:

- 1) экономическую безопасность (гарантированный основной доход);
- 2) безопасность пищи (физическая и экономическая доступность пищи);
- 3) безопасность здоровья (относительная защищенность от заболеваний и инфекций);
- 4) безопасность окружающей среды (доступность питьевой воды, чистого воздуха и здоровой почвы);
- 5) личную безопасность (защищенность от физического насилия и угроз);
- 6) коллективную, или групповую безопасность (защищенность культурной идентичности);
- 7) политическую безопасность (политическая защита основных прав и свобод) [United Nations, Human Development Report, 1994; Acharya, 2001, pp. 444-445].

В дальнейшем развитие понятия «безопасность человека» привело к выделению из общего содержания более широкого, а также более узких определений данного понятия и разработки соответствующих научно-политических концепций безопасности человека. Широкое понимание безопасности человека относится к упомянутому Отчету ООН и аналогичным проектам, тогда как узкие определения увязываются с отдельными вопросами защиты прав человека и предотвращения конкретных угроз человеческой жизни, здоровью и благосостоянию, таких как угрозы, связанные с вооруженными конфликтами и военными действиями. Так, было предложено разграничивать понятия «безопасность человека» (Human Security) и «человеческое развитие» (Human Development); соответственно такие явления, как качество пищи, здоровая экология и др., были отнесены к человеческому развитию: «Безопасность человека» — это «свобода от страха» (freedom from fear), тогда как «человеческое

развитие» — это свобода от нужд (freedom from want). Это взаимодополняющие, но различные концепты» [King, Murray, 2001, p. 590; Acharya, 2001, pp. 444-445; Ramcharan, 2004, pp. 39-47; Gasper, 2010].

Соответственно наиболее широкое определение безопасности человека включает социально-экономические проблемы человеческой жизнедеятельности в качестве необходимости обеспечения человека пищей, питьевой водой, здоровой экологией и трудоустройством (избавление человека от нужд, или «свобода от нужд»), а также вопросы защищенности жизни и здоровья человека от угроз массового насилия и геноцида, природных катаклизмов, вооруженных конфликтов и войн (защищенность человека от угроз жизни и здоровью, или «свобода от страха») [Kaldor, Selchow, 2008].

Попытки сузить определение безопасности человека продолжаются и по сей день, концентрируясь на том или ином элементе жизнедеятельности человека в условиях государства и общества. Вместе с тем многие из таких попыток продолжают оставаться абстрактными и емкими. Так, Каролина Томас, обсуждая содержание «безопасности человека», акцентирует внимание на «обеспечении основных материальных потребностей» и «защите человеческого достоинства» (Human Dignity), включая освобождение человека от давления со стороны центров силы, будь то глобальные, национальные или местные силовые структуры [Paris, 2011, p. 72].

Согласно Роберту Бедески, безопасность человека включает «систему знаний, технологий, институтов и действий, которые защищают и обеспечивают биологическое существование человеческой жизни, а также проекты, обеспечивающие коллективный мир и процветание во благо человеческих свобод» [Paris, 2011, p. 72].

Как видим, попытки сузить определение безопасности человека с позиций чего-то большего, нежели его жизнь и здоровье (т.е. его защищенность в прямом, традиционном смысле), также содержат в себе ряд абстракций и обобщений, в которые может уместиться более широкое восприятие реальности, включающее разноплановые вопросы, начиная с бытовых проблем и заканчивая международной безопасностью.

Диспут между сторонниками широкой и узкой концепций безопасности человека не следует воспринимать в качестве противостояния и взаимоисключения; оба подхода дополняют и развивают современное понимание безопасности человека и соответствуют логике развития исследований в области безопасности вообще, в теоретико-прикладном значении. Как подчеркивает А. Ачарья, «не игнорируя права сообществ людей, а также права неполитического содержания, в понятии «безопасность человека» первостепенное значение все же уделяется человеческому достоинству. Ни один серьезный защитник безопасности человека не допустил бы преследование экономических или коллективных интересов в ущерб защищенности и достоинства личности и

людей. Допущение нарушений прав человека во имя экономического развития или социальной стабильности не имеет места в парадигме безопасности человека» [Acharya, 2001, p. 450].

И действительно, гуманитарные проблемы не военно-политического свойства, такие как голод, низкий уровень качества жизни, здравоохранения, социальных программ (или их отсутствие), плохая экология, отсутствие правопорядка и защищенности (т.е. угрозы безопасности человека в широком смысле, в качестве отсутствия «свободы от нужды»), в конечном счете приближают то состояние, когда жизнь и здоровье человека подвергаются максимальным рискам (в узком значении понятия «безопасность человека» как «свобода от страха»). Соответственно обеспечение безопасности человека является комплексной задачей, включающей как военно-политические, так и экономические, социальные, образовательно-просветительские и экологические программы.

Измерение состояния безопасности человека (на примере Республики Армения)

Актуальность измерения состояния безопасности человека на постсоветском пространстве обусловлена целым рядом локальных и глобальных факторов, в частности, включением постсоветских стран в глобальные экономические, политические, информационные процессы, взаимосвязью между конкурентностью локальных экономик и человеческим потенциалом, региональными миграционными процессами, вызванными открываемостью границ и различным уровнем благосостояния, особенностями восприятия угроз глобального, регионального и локального масштабов в локальных социумах, и др. Будучи малоизученными, проблемы безопасности человека, в том числе особенности восприятия гражданами ряда постсоветских государств угроз и вызовов безопасности и развитию, в той или иной степени влияют на потенциал данных государств по взаимодействию в рамках региональных организаций, создаваемых на основе схожего восприятия общих угроз.

Пример Армении как государства, обладающего определенным потенциалом по дальнейшему включению как в общеевропейские, так и в евразийские межгосударственные структуры и проекты, интересен в том плане, что состояние безопасности человека как актуальной субъективно-объективной проблемы может в существенной степени повлиять на интеграционно-конфликтный потенциал Армении в контексте схожести-различия восприятия гражданами Армении и других региональных государств тех явлений и процессов, которые либо объединяют людей в рамках совместной борьбы с общими угрозами и вызовами, либо разобщают.

После референдума о независимости Республики Армения 21 сентября 1991 г., общество Армении начало выстраивание (или восстановление) институтов государственности, параллельно выказывая свое отношение к уровню

эффективности институтов власти и системе бюрократии. Периодически проводимые рейтинговые исследования показывали динамику изменения авторитетности того или иного института власти, а также уровня доверия граждан к президенту, парламенту, законодательным и исполнительным органам власти, средствам массовой информации, институтам гражданского общества и т.д. Основным принципом оценки эффективности данных институтов было то, насколько они отвечают требованиям (пожеланиям, нуждам) граждан страны в системе восприятий уровня собственной защищенности.

Интересно отметить, что параллельно росту уровня жизни в стране, уровень доверия институтам власти постоянно падал. С одной стороны, граждане Армении нередко практикуют модели бытового и профессионального поведения, которые в случае оценки деятельности элит вызывают у них недовольство и раздражение. Так, будучи против коррупции в системе правящей элиты, многие рядовые граждане страны сами берут предвыборные взятки, раздаваемые с целью покупки необходимого количества голосов (см., например: Sahakyan, Atanesyan, 2006, pp. 347-354). Возникающий подобным образом негативный симбиоз создает своего рода замкнутый круг, одно из звеньев которого — общество, в большинстве своем постоянно недовольное деятельностью властей по обеспечению безопасности человека, в том числе определенного прожиточного минимума, высокого уровня доступного образования и здравоохранения и т.д. С другой стороны, представители властной элиты не заинтересованы в обеспечении более высокого уровня политической и социальной защищенности граждан, ибо реализация менее затратных и краткосрочных действий уже приносит необходимые дивиденды для воспроизводства институтов власти в том состоянии, которое обеспечивает стабильное функционирование и самовоспроизводство элит.

Тем не менее неформальный консенсус между элитами и массами по поводу моделей поведения не препятствует принятию гражданами страны решений, направленных на поиск альтернативных способов выживания и развития в отрыве от не пользующихся доверием институтов государственного управления. Так, по сравнению с гражданами соседних Азербайджана и Грузии существенное число граждан Армении (28% против 3% в Азербайджане и 1% в Грузии) полагают, что политика государства определено идет в ошибочном направлении. Соответственно лишь 2% опрошенных в 2013 г. граждан Армении (в отличие от 5% граждан Грузии и 13% азербайджанцев) считают политику страны правильной (см.: South Caucasus Countries, 2014). Опросы демонстрируют также соответственно низкий уровень доверия институтам власти, в частности, в отношении президента (лишь 5% граждан полностью доверяют президенту страны), правительства (3% соответственно), судебной системы (3%), СМИ (3%), парламента (2%) и политических партий (2%). Для сравнения: наибольшим доверием граждан Армении (в порядке убывания) пользуются Армянская апостольская

церковь, Вооруженные силы РА, местные органы самоуправления, система высшего образования, система здравоохранения, а также институт защитника прав человека (South Caucasus Countries, 2014, p. 18). Низкий уровень доверия властям в контексте высокого уровня свободы слова в Армении является основной темой общественно-политического дискурса и в случае возможной консолидации отдельных слоев общества способен вызвать массовые протесты.

Согласно Государственной статистической службе Армении, в число занятых входит более 62% граждан страны, а к безработным относится около 17,3% населения (Статистический ежегодник Армении, Занятость, 2013). В то же время около 64% населения страны считаются бедными (Statistical Annex, 2013), откуда следует, что большая часть трудоустроенного населения Армении, если говорить о безопасности человека в широком значении, не «свободна от нужд», т.е. в плане человеческого развития не защищена.

Для экономики Армении характерна существенная зависимость от индивидуальной и корпоративной экономической мобильности граждан страны, включая сезонную трудовую миграцию. Так, согласно данным Центробанка Армении, финансовые некоммерческие индивидуальные трансферы в Армению в 2013 г. составили 1869788 тыс. дол. США (см.: Объемы денежных переводов в 2005-2013 гг., 2014). Это означает, что в зависимости от экономического состояния государств, в которых граждане Армении осуществляют свою профессионально-трудовую активность, финансовые притоки в экономику Армении могут меняться и подвергаться не зависящим от внутригосударственного экономического управления рискам, но при этом служить механизмом сдерживания острых внутриэкономических проблем. Соответственно, определенный допустимый, с точки зрения граждан страны, уровень «свободы от нужд» в Армении объективно обеспечивается не столько государственной политикой и институтами власти, сколько экономической мобильностью и корпоративной сплоченностью населения страны. Это означает, что, говоря об уровне безопасности человека в экономическом плане, следует иметь в виду различное восприятие гражданами Армении того состояния, которое могло бы быть, не будь их личной инициативности по обеспечению собственной защиты, и их актуального, фактического состояния. Данная ситуация означает как минимум две вещи: ослабление государственного контроля в деле управления обществом, которое во многих вопросах живет с минимальным участием государства, и продолжающееся расслоение общества на богатых и бедных.

Несмотря на представленность на рынке страны всего спектра товаров и услуг, доступного в эпоху глобализации, все больше граждан не способны ими пользоваться (см.: Статистический ежегодник Армении, Уровень жизни населения, 2013). Как следствие, растет количество людей, желающих выехать из страны как временно (около 60% населения на 2013 г.), так и на постоянное место жительства (31%) (South Caucasus Countries, 2014). Если брать за основу тот

принцип, по которому желание граждан временно выехать из страны говорит скорее о нерешенности их экономических проблем, а выезд из страны навсегда — в основном о невозможности для человека жить в данной стране, в частности, по причине его незащищенности в плане неотъемлемых прав человека, то настоящая ситуация в Армении свидетельствует скорее о существенном перевесе социально-экономической составляющей проблем безопасности человека над политическими вопросами, соответственно, состояние со «свободой от страха» существенно лучше, чем со «свободой от нужд». Данный вывод подтверждается статистикой относительно причин эмиграции из Армении; 57% опрошенных указывают отсутствие работы и возможностей трудоустройства, 10% — низкую зарплату, 9% видят в эмиграции возможность повысить уровень жизни, 7% — найти за границей высокооплачиваемую работу, 4% — возможность расплатиться с долгами. Такие причины, как отсутствие будущего в Армении (1%) и недостаточно высокая система социальной безопасности (включая здравоохранение), которую также назвал 1% опрошенных, являются в количественных показателях несущественными (см.: Migration and Skills in Armenia, 2013, p. 54).

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время в армянском обществе превалирует восприятие угроз безопасности человека преимущественно в терминах стагнации процесса человеческого развития, незащищенности в рамках «свободы от нужд», тогда как ситуация со «свободой от страха» вызывает меньше опасений. Тем не менее в конечном счете нужда может перейти в страх.

Библиографический список

1. Объемы денежных переводов в 2005-2013 гг. (2014). Государственная миграционная служба Министерства территориального управления РА. Режим доступа: http://www.smsmta.am/?menu_id=52
2. Статистический ежегодник Армении, Занятость (2013). Режим доступа: <http://www.armstat.am/file/doc/99477298.pdf>
3. Статистический ежегодник Армении, Уровень жизни населения (2013). Режим доступа: <http://www.armstat.am/file/doc/99478608.pdf>
4. Acharya, A. (2001). Human Security: East versus West. *International journal*, 56 (3), 442-460.
5. Annan, K. (1999, Oct. 15). Human Security and Intervention. *Individual Sovereignty. Vital Speeches of the Day*, p. 5.
6. Atanesyan, A. (2014). Human security and securitization: the role of international media in accumulation of public expectations and public protest. *Digest of World Politics of the XXI Century, Annual Review*, 7, 527-542.
7. Buzan, B., Wæver, O. & de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, Inc.

8. South Caucasus Countries (2014). Some findings from the CRRC 2013 data. April 18, Yerevan, CRRC Armenia, Retrieved from http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2013/CB2013_public%20presentation_English.pdf
9. Gasper, D. (2010). The Idea of Human Security. Retrieved from http://www.unhistory.org/reviews/Garnet_HumanSecurity.pdf
10. Human Development Report. (1994). United Nations, NY, UNDP.
11. Kaldor, M., Martin, M. & Selchow, S. (2008). Human Security: A European Strategic Narrative. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/05172.pdf>
12. King, G. & Murray, Ch.J. L. (2001). Rethinking Human Security. *Political Science Quarterly*, 116 (4), 585-610.
13. Migration and Skills in Armenia (2013). Retrieved from http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/projects/Migration_and_skills_2011/Migration_and_skills_Armenia.pdf
14. Nikoghosyan, H. (2011). International Legal Status of Humanitarian Interventions. Retrieved from <http://ssrn.com/abstract=1940383> or doi:10.2139/ssrn.1940383
15. Nye, J. S. (2002). *The Paradox of American Power*. Oxford: Oxford University Press.
16. Paris, R. (2011). Human Security. In Ch. W. Hughes & L. Y. Meng (Eds.). *Security Studies: a Reader* (pp. 71-79). NY and London: Routledge.
17. Ramcharan, B. (2004). Human Rights and Human Security. Strengthening Disarmament and Security. *Disarmament Forum*, (1), 39-47.
18. Sahakyan, V. & Atanesyan, A. (2006). Democratization in Armenia: Some Trends of Political Culture and Behavior. *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet democracies*, 14 (3), 347-354.
19. Sotirovic, M. (2003). How Individuals Explain Social Problems: The Influences of Media Use. *Journal of Communication*, 53 (1), 122-137.
20. Statistical Annex (2013). Retrieved from http://www.armstat.am/file/article/poverty_2013e_7.pdf
21. Steiner, H., Alston, Ph. & Goodman R. (Eds.). (2008). *International Human Rights in Context: Law, Politics, Morals*. Oxford: Oxford University Press.
22. Zajadlo, J. (2005). Legality and Legitimization of Humanitarian Intervention. *The American Behavioral Scientist*, 48 (6), 653-670.

Статья поступила в редакцию 23.09.2014.

.....

«HUMAN SECURITY»: CONCEPTUAL APPROACHES AND LOCAL MEASUREMENTS (ON EXAMPLE OF ARMENIA)

A. V. Atanesyan

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Science (Political Science), Professor, Head of Applied Sociology Department, Yerevan State University, Yerevan, Armenia. E-mail: atanesyan@yandex.ru

Human Security is one of those broad terms brought about by the policy-making disputes over the need to create an explanation, or a universal basis for treating people and issues of human nature and with human participation in the context of respecting human rights and human dignity. Among numerous modern terms concerning security (a part of which is more political and populist than scientific) the term Human Security tends to have both of the

meanings – scientific one represented by a large number of modern publications devoted to its explanation and analysis since the early 1990th, and the political one, used in terms of political motivation, and/or justification to help people, to protect human rights, to stop violence, poverty, etc.

But, as it appears to be today, the content of the term could not be unbiased while having links to the more policy-directed and appropriately more biased brands of military conflict and war, intervention, terrorism, trafficking, etc.

The article is devoted to discussion of the currently used varieties of the term “Human security” within academic and political discourse, as well as applications of the term and its meanings to the various domestic issues, examined on case of the current situation in Armenia.

Key words: human security, human development, security studies, securitization, institutes of political power, migration.

References

1. Ob#emy denezhnyh perevodov v 2005-2013 gg. (2014). Gosudarstvennaja migracionnaja sluzhba Ministerstva territorial'nogo upravlenija RA [Inflow of remittances in 2005-2013. State Migration Service of the Ministry of Territorial Administration, Republic of Armenia]. Retrieved from http://www.smsmta.am/?menu_id=52
2. Statisticheskij ezhegodnik Armenii, Zanjatost' (2013). [Statistical Yearbook of Armenia, Employment]. Retrieved from <http://www.armstat.am/file/doc/99477298.pdf>
3. Statisticheskij ezhegodnik Armenii, Uroven' zhizni (2013). [Statistical Yearbook of Armenia, Living conditions] Retrieved from <http://www.armstat.am/file/doc/99478608.pdf>
4. Acharya, A. (2001). Human Security: East versus West. *International journal*, Vol. 56, N. 3, Summer, pp. 442-460.
5. Annan, K. (1999, Oct. 15). Human Security and Intervention. Individual Sovereignty. *Vital Speeches of the Day*, p. 5.
6. Atanesyan, A. (2014). Human security and securitization: the role of international media in accumulation of public expectations and public protest. *Digest of World Politics of the XXI Century, Annual Review*, Volume 7, pp. 527-542. St. Petersburg, St. Petersburg State University, School of International Relations.
7. Buzan, B., Wæver, O. & de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, Inc.
8. South Caucasus Countries (2014). Some findings from the CRRC 2013 data. April 18, Yerevan, CRRC Armenia, Retrieved from http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2013/CB2013_public%20presentation_English.pdf
9. Gasper, D. The Idea of Human Security. *Institute for Social Studies, The Hague, Garnet Working Paper*, N. 28/08, Retrieved from http://www.unhistory.org/reviews/Garnet_HumanSecurity.pdf
10. Human Development Report. (1994). United Nations, NY, UNDP.
11. Kaldor, M., Martin, M. and Selchow, S. (2008). Human Security: A European Strategic Narrative. *International Policy Analysis*, Friedrich Ebert Stiftung, Feb., Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/05172.pdf>
12. King, G. & Murray, Ch.J. L. (2001). Rethinking Human Security. *Political Science Quarterly*, Vol. 116, N. 4.

13. Migration and Skills in Armenia (2013). Results of the 2011/12 Migration Survey on the Relationship between Skills, Migration and Development. European Training Foundation, Retrieved from http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/projects/Migration_and_skills_2011/Migration_and_skills_Armenia.pdf
14. Nikoghosyan, H. (2011). International Legal Status of Humanitarian Interventions. May 7, Retrieved from <http://ssrn.com/abstract=1940383> or doi:10.2139/ssrn.1940383
15. Nye, J. S. (2002). *The Paradox of American Power*. Oxford: Oxford University Press.
16. Paris, R. (2011). Human Security. In Ch. W. Hughes & L. Y. Meng (Eds.). *Security Studies: a Reader* (pp. 71-79). NY and London: Routledge.
17. Ramcharan, B. (2004). Human Rights and Human Security. Strengthening Disarmament and Security. *Disarmament Forum*, N. 1, pp. 39-47.
18. Sahakyan, V., Atanesyan, A. (2006). Democratization in Armenia: Some Trends of Political Culture and Behavior. *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet democracies*. Washington DC, Vol. 14, No. 3, pp. 347-354.
19. Sotirovic, M. (2003). How Individuals Explain Social Problems: The Influences of Media Use. *Journal of Communication*, March 1, 53, 1, pp. 122-137.
20. Statistical Annex (2013). Режим доступа http://www.armstat.am/file/article/poverty_2013e_7.pdf
21. Steiner, H., Alston, Ph. & Goodman R. (Eds.). (2008). *International Human Rights in Context: Law, Politics, Morals*. Oxford: Oxford University Press.
22. Zajadlo J. (2005). Legality and Legitimization of Humanitarian Intervention. *The American Behavioral Scientist*, 48, 6.